

А.А.Бурькин (ИЛИ РАН)

Роль монгольских языков для алтаистических исследований

Опубликовано в кн.: // История развития монгольских языков.
Улан-Удэ, 1999. С.19-42. Перепечатано в кн.: Altaica II. Уланбаатар, 2002.
С.25-44.

Без преувеличения можно сказать, что все те достижения в изучении отдельных живых монгольских языков и старейших письменных памятников (язык “Сокровенного сказания”, памятников квадратной письменности и т.д.), к которым пришла российская наука о монгольских языках к концу первой трети XX века, оказались определяющими для перспектив сравнительно-исторического изучения языков, традиционно включаемых в алтайскую семью, а именно, монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языков, к которым позднее добавились корейский и японский языки. Не случайно именно монголоведы - Г.Рамстедт, Б.Я.Владимирцов, Н.Н.Поппе составляют первое поколение компаративистов-алтаистов, а классические труды в области истории монгольских языков - такие, как “Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия” Б.Я.Владимирцова (1929) и “Introduction to Mongolian Comparative Studies” Н.Н.Поппе (1955) являются основополагающими и в области алтаистики.

Представители классической, “ортодоксальной” алтаистики не случайно уделили материалу монгольских языков столь значительное место в своих работах. Во-первых, довольно близкое родство современных монгольских языков и простота фонетических соответствий в этих языках устраняют те препятствия в сравнительно-историческом изучении этих языков, которые ставит перед исследователями групповые реконструкции - общетюркская реконструкция, где и в наши дни решены не все проблемы, и общетунгусо-маньчжурская реконструкция, где более чем дискуссионные вопросы подчас даже не были осмыслены как следует. Во-вторых, весьма рано оказался осмысленным архаический характер системы фонем монгольских языков по сравнению с системой фонем других групп алтайских языков. В-третьих, архаический характер морфологического строя этих языков в области системы именных и глагольных категорий также побуждал рассматривать морфологический строй монгольских языков в качестве своего рода эталона для реконструкции - в отличие от тюркских языков с их более объемной морфологией и тунгусо-маньчжурских языков, сильно отличающихся в морфологическом отношении по подгруппам. В-четвертых, немаловажное значение справедливо придавалось и придается типологическому сходству морфологического строя монгольских языков с такими языками, как корейский и японский языки, что, собственно говоря, и является “консервирующим фактором” для самой идеи генетического родства этих языков безотносительно от научной конъюнктуры..

В отношении своего лексического состава монгольские языки занимают среди других алтайских языков исключительное положение в силу двух обстоятельств: 1) Монгольские языки различных формаций - от языка, соизмеримого с письменным монгольским, до диалектов современного

бурятского языка - оказывали одностороннее длительное влияние на тунгусо-маньчжурские языки во всем их разнообразии, включая с одной стороны маньчжурский язык и через его вероятное посредство языки Приамурья (нанайский, ульчский языки и др.), с другой стороны, различные диалекты эвенкийского языка и отчасти эвенкийский язык; 2) Монгольские и тюркские языки в области лексики демонстрируют весьма глубокие взаимосвязи, выразившиеся в очень большом количестве монголизмов в тюркских языках разных групп (огузские, кыпчакские, языки южной Сибири, якутский язык) и тюркизмы в отдельных монгольских языках (бурятский язык и его диалекты, калмыцкий язык), при этом монголизмы в тюркских языках и тюркизмы в монгольских языках относятся к разным хронологическим периодам. Эти взаимные заимствования существенно осложняют реконструкцию общеалтайского лексического фонда, так как разграничение взаимных заимствований (с установлением направления заимствования) и исконной "тюрко-монгольской" лексики представляет собой одну из сложнейших задач сравнительно-исторической алтаистики. Эта задача тем более сложна, что в последние 15-20 лет среди тех, кто скептически настроен в отношении изучения генетических связей алтайских языков обозначилось намерение подменить содержание самого понятия "алтаистика" и обобщить большинство известных лексических параллелей в нескольких объемных сводках специально отбираемого материала, истолковав весь этот материал как следствие взаимных одновременных заимствований. Однако надо признать, что все попытки как "сепаратной" лексической реконструкции, предпринимаемой в рамках словарного состава какой-либо одной группы языков (тюркских, монгольских или тунгусо-маньчжурских), так и "дифференциальной" реконструкции лексического состава каких-либо двух групп языков или всех названных групп алтайских языков содержат неоправданные допущения в области исходной семантики и изменения значений отдельных слов, а также архаического характера отдельных лексических единиц; иногда (чаще всего на тунгусо-маньчжурском материале, иногда на материале тюркских языков) к ним добавляются не вполне корректные фонетические реконструкции восстанавливаемых лексем.

Проблема разграничения исконной общеалтайской лексики и межгрупповых заимствований, во-первых, сама по себе является решаемой, во-вторых, ее решение будет более успешным именно с совершенствованием общеалтайской фонетической реконструкции и ранних групповых реконструкций тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, так как только фонетические критерии, выражающиеся в выявлении отклонений от системы звуковых соответствий в исконной лексике, позволяют наилучшим образом и наиболее достоверно характеризовать тюрко-монгольские лексические параллели как заимствования и более точно определять направление заимствований. Часто повторяющееся утверждение, что общеалтайская лексика должна являться одновременно общетюркской, общемонгольской и общетунгусо-маньчжурской, является ошибочным догматом; при столь значительной дивергенции лексики, какая наблюдается в отдельных тунгусо-маньчжурских языках и в отдельных тюркских языках, немалая часть лексических архаизмов окажется древнее, нежели частные групповые реконструкции, и будет обнаруживаться лишь в нескольких или каком-либо одном из тунгусо-маньчжурских или тюркских языков. Монгольские языки в отношении лексического состава проявляют значительное единство, однако отдельные лексические архаизмы,

обнаруживающие параллели в других группах алтайских языков, попадают и в ойратских, халхаских или бурятских диалектах, а фактически - в любом словаре, имеющем объем в 10-15 тыс. слов.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы показать соотношение монгольских языков с языками двух других групп алтайской семьи в рамках одного из усовершенствованных вариантов фонетической реконструкции общеалтайского состояния.

Консонантизм монгольских языков по своему составу фактически соотносится с восстанавливаемым общеалтайским консонантизмом. По известным трудам отличия монгольской системы согласных от общеалтайской минимальны: звонкий интердентальный *p, сохранившийся в тюркских языках, в монгольских языках совпал со смычным *d; глухой смычный *k- и глухой придыхательный *k' (или, вероятнее, щелевой *x), противопоставленные в тунгусо-маньчжурских языках, в монгольских и тюркских языках совпали в k ~ x; источники тунгусо-маньчжурского инициального ng- не вполне ясны, но по разбросу соответствий севернотунгусскому (эвенкийскому) ng- в южнотунгусских и маньчжурском языках, а также в монгольских и тюркских языках понятно, что этот согласный не во всех случаях восстанавливается даже для общетунгусо-маньчжурского состояния. Возможно, в монгольских языках совпали с соответствующими аффрикатами предположительно реконструируемые по тюркским фактам общеалтайские согласные *z (з) и *š (ш), а появление монгольских аффрикат [дз] и [дж] может быть связано с наличием общеалтайского *zh (ж). Закон Рамстедта-Пелльо, характеризующий рефлекс общеалтайского начального *p'- (севернотунгусское x- ~ южнотунгусское p- ~ маньчжурское f- ~ среднемонгольское h-, исчезнувшее почти во всех монгольских и во всех тюркских языках), фактически не может оспариваться и поддерживается новыми примерами, а выявляющиеся исключения из этого закона (такие, как отражение *p'- в монгольских языках в виде s-) связываются с этимологической долготой последующего гласного, которая прослеживается по тунгусо-маньчжурским параллелям. По имеющимся данным, согласные *p'- (возможно, глухой щелевой *f-) и *k'- (вероятнее всего, глухой щелевой *x-, так как полностью серия глухих придыхательных для общеалтайского состояния не восстанавливается) встречались во всех позициях в слове, а отнюдь не только в начале слова, как считалось ранее (см. примеры ниже). Разумеется, нельзя исключать того, что дальнейшее изучение рядов соответствий согласных в алтайских языках приведет к реконструкции еще каких-то фонем, не сохранившихся в близком к исходному состоянию ни в монгольских, ни в других алтайских языках.

К числу проблемных вопросов в реконструкции общеалтайского консонантизма, пока не находящих своего объяснения, надо отнести следующие: 1) нерегулярные, точнее, не вполне регулярные соответствия переднеязычных и среднеязычных d ~ ʒ ~ z, t ~ c ~ s ~ š на уровне групповых реконструкций; 2) спорадические перебои согласных по признаку звонкости-глухости (или напряженности-ненапряженности), в особенности в позиции внутри слова; 3) наличие vs. отсутствие заднеязычных согласных g, k, x ~ h в начале слова. Однако все те же самые явления в различном объеме оказываются характерными и для тюркских, и для тунгусо-маньчжурских языков, и (правда, в наименьшей мере) для монгольских языков и диалектов, причем указанные соответствия по всем группам языков также часто являются нерегулярными. В качестве возможных

причин первых двух явлений может быть названо различие рефлексов отдельных прафонем по позициям в слове, приведшее к спонтанным изменениям тех же согласных в какой-то части морфем в иных позициях или явление морфологической вариантности оформления производных, ставшее причиной той же нерегулярности изменений согласных в других фонетических позициях; перебои звонких и глухих согласных могут иметь причиной падение глухих аспирированных или спондических (*p' и *x) внутри слова. В отношении заднеязычных согласных не исключены в равной мере и даже одновременно появление протетических согласных и нерегулярное отпадение начальных согласных в особенности при тех обстоятельствах, когда звукотипы [x] и [h] оказывались промежуточными стадиями эволюции других согласных, в частности, согласного *p'.

В отношении системы вокализма монгольские языки, судя по всему, утратили исходное фонематическое противопоставление гласных по долготности - во всяком случае, все попытки реконструировать общемонгольские долгие гласные не являются убедительными. Наличие оппозиции гласных по долготности в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках оставляет возможности для двух решений: либо реконструкция противопоставления кратких и долгих гласных должна быть ориентирована на общетунгусо-маньчжурское состояние, и тунгусо-маньчжурские долгие гласные имеют в других алтайских языках иные качественные соответствия, нежели краткие гласные (при таком подходе долготность гласных в тюркских языках выглядит проявлением древней акцентной системы), либо исходная оппозиция долгих и кратких гласных сохранена в тюркских языках, в монгольских языках была утрачена архаическая квантитативная оппозиция, а тунгусо-маньчжурский вокализм подвергся существенной перестройке, сопровождавшейся качественными и количественными изменениями гласных.

Степень сложности и одновременно принципиальная возможность решения проблем реконструкции общеалтайского вокализма может быть показана на примерах монгольских числительных. Несомненно, что п.-мо. *dolugan* '7' и *dalin* '70' имеют один и тот же корень с разными вариантами огласовки, при этом а-огласовка во втором случае связана с присутствием гласного *i* во втором слоге; но элемент *-in* в монгольских названиях десятков, видимо, восходит к общеалтайскому числительному *p'o:n '10'. В тунгусо-маньчжурских языках это числительное представлено реликтами: ср. орокск. по:во "десяток", нивх. *хон в м-хо-к"р '10', тюрк. о:n '10', и п.-мо. *arban* '10' (<*ha-rban), состоящее из *p'o-n '10', подвергшегося перегласовке, и архаического суффикса адъективных форм числительных *-rba:n* < *rma:n, содержащегося в п.-мо. *di-rben* '4' и эвенк. *диги-нмэ:н*, эвен. *дигэ-рмэ:н* "состоящий из 4 частей". Данные примеры, морфологическая членимость и морфемный состав которых не вызывают сомнений, показывают, насколько различаются рефлексы исторически долгих гласных и в какой мере исторически долгие гласные суффиксальных элементов могут воздействовать на огласовку слов в целом. Видимо, тот же тип образований, что и монгольские названия десятков, представляют собой тюркские числительные *altmıš* '60' и *jetmiš* '70', где элемент *mıš/miš* может быть модифицированным обозначением десятка < *p'o:- + суфф. множественности в позиции второго компонента после *alt-* и *jet-*: в виде согласного [m] здесь, очевидно, сохраняется инициальный *p', как он сохраняется в виде лабиальных согласных во второй части тех тюркских парных слов, корни которых имели в

анлауте согласный *р' (типа агач-бугач “дерево”), и при повторе корня этот согласный попал в интервокальную позицию.

Признание того, что монгольские языки наилучшим образом сохраняют архаическое общеалтайское состояние, побуждает рассмотреть отдельные особенности тунгусо-маньчжурских и тюркских языков, в сравнении с материалом монгольских языков для того, чтобы более отчетливо проследить общее направление и конкретные результаты изменений.

Монгольские и тунгусо-маньчжурские языки.

Если сравнивать названные группы языков друг с другом, то отличие тунгусо-маньчжурских языков от монгольских языков в сторону дивергентной эволюции и накопления инноваций в тунгусо-маньчжурских языках проявляется в следующем:

1) Отпадение ауслатных согласных и сужение предшествующих гласных в тунгусо-маньчжурских языках до ауслатного долгого [и:]. Наилучшими примерами здесь служат словообразовательные суффиксы имен прилагательных: т.-ма. -ли: = мо. -lag, т.-ма. -рки: = мо. -гхаг, т.-ма. -ди: = мо. -dag, эвенк. -ми: суффикс условно-временного деепричастия (словарная форма глагола для эвенкийского языка) - тюрк. -так суффикс отглагольных имен (словарная форма глагола для огузских языков). Ср. также эвен. киами: “мамонт” заимствованное из корякского камак “мамонт”: нег. келчи “лыжа-волокуша” и тур. kizak “санки”; эвенк. мукэчи: бревно мо. бонцуу чурка, якут. могодох, мокучук чурка, и.т.п. Сохраняющийся монгольский ауслатный согласный в таких примерах, как эвенк. ми:ки змея и мо. тогаі змея, эвенк. бали: слепой и мо. balai слепой, т.ма. суффикс прилагательных -ти: и мо. суффикс совместности -tai также может восходить к одому из заднеязычных согласных (см. ниже).

2) “Ротацизм” - переход переднеязычных и среднеязычных согласных в тунгусо-маньчжурских языках в вибрант [р] в позиции перед заднеязычными; эвенк. бургу жирный - мо. бүдүүн толстый; эвенк. ирги, нан. хузу хвост - мо. qidurqa, тюрк. qidruq хвост; гургакта борода, усы, нан. бозакта - тюрк. b□d□q усы; эвенк. тарга- воздерживаться, мо. татгалзах; эвенк. чуриг капля, мо. цутгах лить; эвенк. арки- колоть - мо. хатгах; эвенк. иргакта овод - бур. хэдэгэнэ овод; эвенк. чириктэ медь тюрк. cod□n; эвенк. боркан красота лица, нан. бойко цвет, окраска, тюрк. bodug краска, цвет; эвен. хиркан нож - мо. kituga, мо. хутга, калм. утх нож; эвенк. ургэ, нан. хузэ тяжелый - мо. kesige тяжелый и др. Судя по всему, этот переход охватил только севернотунгусские языки, в то время как в южнотунгусских языках имела место лишь незначительная модификация групп согласных: признание исходности севернотунгусских сочетаний rg, rk для общетунгусо-маньчжурского состояния делает невозможным объяснение изменений. Более того, наблюдаемое явление представляет собой единственно разумное объяснение дистрибутивных ограничений согласных и отсутствие шумных переднеязычных и среднеязычных согласных в преконсонантной позиции в тунгусо-маньчжурских языках.

3) Падение [r] и [l] перед инлаутными лабиальными согласными в тунгусо-маньчжурских языках на уровне общетунгусо-маньчжурского состояния и сохранение групп [lm], [rm], [lb], [rb] в монгольских языках при тенденции к переходу m>b. Данная закономерность наблюдается только при сравнении монгольского и тунгусо-маньчжурского лексического материала и не предсказывается какой-либо спецификой тунгусо-маньчжурских языков; эвенк.

чипича птичка, эвен. чипри птенец - мо. цурав птенец; ороch. упуктэ пух - бур. үрбэлгэ хвостовое перо, пушинка, пух, ойрат. диал. □р□вл□г короткие перья, пух, дагур. курбэс мех, якут. диал. к□бүгэс пух, кирг. күп пух птенца; эвен. чампаку голый - п.мо. сiгма голый, нан. хумилун сова, филин, калм. һурвлһ сова (ср. якут. □лбүргэлээх разновидность сов < мо.), др.-тюрк. qoburga сова. Данное соответствие представляет интерес в том плане, что затрудняет трактовку лексических параллелей как заимствований вследствие несовпадения сравниваемых слов по внешнему виду.

Без тунгусо-маньчжурских примеров это особое явление исторической фонетики тунгусо-маньчжурских и монгольских языков растворяется среди случаев падения преконсонантных согласных в тюркских языках: ср. мо. цэрмэх выбивать корм из-под снега - казах. тебін тебеневка, алт. тебее зимнее пастбище, подножный корм, (Радлов) теп- 'ногами добывать пищу из-под снега'; п.-мо. голме покрывка седла - тюрк. кот верблюжье седло; эвенк. хунмэ пола одежды < мо. хормой пола одежды, тюрк. (Радлов) капламыш пола платья; п.-мо. терме ткань из козьей шерсти - тур. tiftik ангорская коза, козий пух, каз. түбүт козий пух; калм. керм лодка - тюрк. кеме, кемі лодка и др.

4) Сохранение постконсонантного [x] - второго компонента сочетаний согласных - в монгольских языках на фоне сохранения преконсонантного [x] - первого компонента сочетаний согласных - в тунгусо-маньчжурских языках. Примеры: эвенк. заликса слюна слизь - мо. залхаг слизь; ори:кта помет - мо. хоргол, калм. (каракольск.) хорхсн "сухой навоз", ср. тюрк. q□g "навоз"; эвенк. тивир кузнечик - мо. дэвхрэг кузнечик; ульч, нан. дэлин кожемялка - мо. talkin, азерб. тэрэ кожемялка: эвенк. саби обувь - мо. савхин сапоги; зилики горноста́й - мо. зурхэвч бурундук, ср. алт. сарас колонок; нан. ча:ма: палка с развилкой, бур. сабха вилка; эвенк. чоба:н скакать - бур. собхорхо подпрыгивать; эвенк. тоди- помогать - бур. тэдхэ помощь; эвенк. лэвэ топь -п.-мо. lobxu болото; дагурск. чира: рубец от раны (< т.-ма.) мо. шарх, бур. шарха рана; эвен. он'ир сугроб - мо. хунгар сугроб; эвенк. оро:кто трава - мо. ogxundui женьшень, тюрк. ot трава. Ср. также мо. хотхигусун шелуха - тюрк. qovuz соринки в вине, шелуха; мо. хадхах шить - тюрк. qadu- наметывать.

Сохранение постконсонантного [п' ~ ф] в монгольских языках - опять же второго компонента сочетаний согласных - на фоне сохранения преконсонантного [п'] - первого компонента сочетаний согласных - в тунгусо-маньчжурских языках. Примеры: эвенк. сирэктэ сухожилие п.-мо. sirbüsün сухожилие башк. тарамыш сухожилие; эвенк. ули:- грести - п.-мо. ilbi грести; эвенк. дылача солнце - мо. ойрат. dulbung яркое палящее солнце; эвенк. сирэ:к локтевая кость - мо. царвуун предплечье; эвенк. зе:рипчу кислый - мо. дарвигшуулах пряный; эвенк. ила:ксэ лыко - як. күлбүгэх мочало (< мо. с утраченным архетипом в монгольских языках), койбальск. кабу лыко; ульч. чараку босой - бур. жарбаахай голый; эвен. дэри□чи- убежать - мо. дүрвэх убежать; п.-мо. derbi- быть взволнованным - туркм. дарыкмак волноваться и др.

5) Отражение интервокального [x] в монгольском как [j]. Примеры: эвенк. экиксэ чешуя - мо. хаигасун, калм. хаурсн, тув. казырык чешуя; эвенк. зувуктэ оса - мо. зогий пчела; орок. охома корытце - мо. ойм корытообразная лодка; эвенк. захара галька, мо. сайр, гагауз. чакыл галька; эвенк. гико- бежать рысью - мо. гүйх бежать; т.ма. гохо щеголь - мо. гое нарядный; нег. золокин родничок, мо. зулай темя; эвенк. жаргикта название дерева, мо. irgai кизил; эвенк. тирэксэ голенище -

мо. түрий голенище, тюрк. *tiz* колено; эвенк. сэкэээ- изнашиваться, мо. сийх редеть; ульч. сохакта полынь, мо. суйх чернобыльник, узб. шуак (Радлов) полынь; эвенк. угдан жилище из коры, угдакса кора - мо. үйс (эн) береста: эвенк. укули- обернуть - мо. хуйлах обернуть: мо. *buile* десны - тув. тиш бүү альвеолы, тат. леб. пүгло десны. Посторонний источник для согласного [j] по собственно монгольским данным в этом случае не предсказывается.

6) Отражение интервокального [п'] в монгольском как [g/x]: эвенк. чэпэ лишай - мо. цахлай лишай; уд. афути, ма. хафун, хофон пена - п.-мо. *kcgesün*, мо. х□□с пена - тур. *кцрйк* пена; ороц. упа, нан. офали тесло для выдалбливания лодок - мо. ооль тесло, калм. уху изогнутое тесло - тур. *ivgi* топор, тесак, тесло; сол. уго хлеб, нег. опа мука - мо. оо порошок, пудра - узб. упа пудра, казах. опа мел, белила; эвенк. чапа молоки - бур. сагаа молоки; эвенк. чипилэмэ узкий - мо. цухал узкий; ульч. нэпултэ пушной зверь - мо. ноолуур пух; ульч., нан.. араха зерно, мо. арвай ячмень - (тюрк. агра, вероятно, монголизм); п.-мо. *dege3i* лучшая часть, кусок, проба (< 'первая часть') - тат. диал. топчык первенец; мо. гоочи надежда - тюрк. *kuvanc* надежда;

Во всех группах языков в инлауте плохо различаются рефлексy глухого смычного *р-, и глухого прихыхательного *р'-, но проявлением одного из них может считаться соответствие т.-ма. -к- ~ мо. g/b ~ тюрк. -р. Примеры: эвенк. сики мутный - мо. шаг гуща, осадок, шаар чайнки, осадок, шавхруу подонки, остатки; эвенк. та:кса глина, пыль - п.-мо. *togusun* - тюрк. *topraq* (*toz, tuz* - форма собирательности от того же корня); эвенк. чэки- замерзнуть - бур. сэбдэг обледенелый; эвенк. чука трава - мо. сибха листья на леревьях - ккалп. ш□п трава; эвенк. чакти бойкий, проворный - мо. цовоо бойкий, ловкий, проворный, азерб. чевик, чепик ловкий; эвен. х□ки- вспороть - калм. □вчх вскрывать; эвенк. доколок хромой, эвен. докла:н хромой (о животных), мо *dogulang* - азерб. топал хромой; эвенк. туксаки заяц, мо. *tuulai*, тюрк. *tab□šgan* заяц, эвен. к□кэ:- умереть (чаще - сдохнуть), мо. хүүр труп - тур. *gebermek* подохнуть;, эвенк. окти- мыть, мо. угаах мыть; тур. *ovmak, ogmak* тереть, натирать, чистить; мо. зээхэн росомаха - тув. чепек росомаха; эвенк. тукала сарана, мо. т□мс(□н) картофель, сарана, бур. тибhэ(н) сарана, тофалар. *dubek* сарана, туркм. дҮйп корень, головка, луковица; ма. дукдухун выпуклый - мо. товгор выдающийся, выступающий, товхгор выпуклый; эвенк. куйуктэ личинка овода - мо. хив, бур. хҮйр моль; ма. гакахун трещина -п.-мо. *gaba* трещина, расщелина.

7) Своеобразная качественная редукция гласных, приводящая в тунгусо-маньчжурских языках к переходу различных гласных в узкие гласные [и] заднего и переднего рядов: ср. эвенк. ичэ- видеть - мо. үзэх видеть, эвенк. билга горло, мо., бур. балгах глотать - тув. пак внутренняя полость щек, защечные мешки; глоток; нег. михэрэт- кланяться - п.-мо. *mekui*- кланяться, эвен. миркэ- ползти, п.-мо. тцкй- ползти, эвенк. ивдэн стрела, эвен. и□эт древко стрелы - мо үнжрэг стрела без наконечника; нег. ирхи, ульч. ирхи(н) десны - калм. □ргн челюсть - хакас. огбе десна; эвенк. гиркэ ручеек - мо. горхи ручей; эвенк. и: слепая кишка, ульч. ин'иктэ прямая кишка - мо. олгой, калм. *holha* толстая кишка; эвенк. си:, ульч. силтэ желчь - п.-мо. *siłsün* желчь, эвен. тибa- бежать о животных - мо. таврах бежать (о верблюде: перелома гласного [i] в этом слове не было!); др.-тюрк. *тар□*- скакать; эвен. тилка- разлиться, тилка, тилкании разлив, половодье - мо. түлхээ прилив морской (ср. тюрк. с□š□q паводок), ма. чингин кабан - тюрк. *tonguz* свинья; эвенк. милтэрэ: полный - п.-мо. *meltei*- наполняться; эвенк. иллал-

пожалеть, эвен. илран- жалеть - мо. хайр любовь, сожаление, жалость, хайрлах жалеть, любить; эвен. гикли- разведыватть - мо. хайгуул разведка; эвенк. чилка-давить - мо. чайлгах молоть хлеб; эвен. гири берег, галечная коса мо. хайр галька; эвенк. миктэ, ульч. милэктэ рябина - мо. мойл черемуха, тат. мил□ш рябина, эвенк. би- быть - мо. би есть, имеется,

8) Дифтонгоиды [ʰe] и [ʰa] сохранившиеся в виде оппозитивной пары в эвенском языке: в других языках дифтонгоид [ие] всюду совпал с долгим и:, дифтонгоид [ʰa] сохранился в виде долгого закрытого [e:] в эвенкийском или неоднородного [иа] в других языках. Эти дифтонгоиды, совершенно очевидно, восходят к сочетаниям фонем ija, ije, aj, ej.

9) Изменения инлаутных групп согласных с сохранением ритмической структуры слова в количественном отношении; нег. унму кисть, стопа - ойрат. диал. □лмэ стопа, подъем ноги, калм. □лмэ передняя часть ноги, эвенк. инмэ, нан. хурмэ игла - калм. хур вязальная игла, эвенк. ун□ун (анат.) небо - мо. нармай, эвенк. мунчика гибкий - мо. буржийх виться; эвенк. ин□акта шерсть - мо. kilgasun волос; эвенк. ин□и язык, ма. илэ□гу язык - мо. хэл(эн) язык и т.п.

10) Сохранение набора ауслатных согласных, восстановленное в тунгусо-маньчжурских языках по показателям множественности: суффиксы собирательной множественности -к-та, -к-са, -м-са, -л-са, -□са, -н-са, хорошо известны в тунгусо-маньчжуроведении (см. работы В.И.Цинциус, О.П.Суника, И.Бенцинга, Б.В.Болдырева), однако вычленяются они не как суффиксы, а как регулярно повторяющиеся элементы, не обладающие продуктивностью как суффиксы и чаще всего лишенные соотносительности с исходными основами на тунгусо-маньчжурском материале. Выделение в них собственно суффикса -са/-та позволяет рассматривать предшествующий данному элементу согласный как конечный согласный основы слова или архаический словообразовательный суффикс.

11) Переход ауслатных согласных в -н в тунгусо-маньчжурском;

l > n: т.ма. чу□гун впадина - мо. цүнхээл впадина; ороц. гу□гэ(н) смола - мо. гүгэл; эвенк. □э:ри:н свет - мо. гэрэл свет; эвенк. эмгун седло - мо. эмээл седло (тот же корень в др.-тюрк. цmзүк лука седла), эвен. тэ:ркэн бяг полная луна - мо. dergel sara полная луна.

ng > n: эвен. докла:н хромой - п.-мо.dogulang; ма. кубун пух - п.-мо. kцбeng; эвенк. чилчун опухоль - п.мо. colcung (= тюрк. š□š); эвенк., эвен. -лан суффикс имен искусного деятеля - мо. -lang, тюрк. -лак

г > n: ма. арбун вид - мо. хэлбэр форма, вид (= тюрк. кер), эвенк. авдун берлога - мо. хэвтэр лежка животного; ма. шо□кон гасха ловчая птица, мо. songхиг сокол, кречет (тюрк. songquг кречет и s"ungqar сокол, алтайский кречет < мо.); эвен. -бган суффикс отглагольных имен - мо. -маар; т.-ма. -ча:н уменьшительный суффикс - мо. -нцар.

j > n: эвенк. аран едва - мо. arai узб. ара□ едва; эвенк. хорон макушка - п.-мо. ogoi; эвенк. эвен. -маган суффикс имен "любитель чего-л" - мо. суффикс прилагательных -magai; эвен. -лган суффикс имен орудия - мо. лгий (ср. мо. нээлгий крышка).

Данный процесс, скорее всего, имеет не собственно фонологическую, а морфологическую природу и связан с морфологической вариантностью оформления имен существительных суффиксами, состоящими из одного

согласного. Среди этих суффиксов имеется и суффикс -н, кроме того, согласный н является частотным в конечной позиции в других тунгусо-маньчжурских суффиксах, а также в чукотско-камчатских языках, где согласный -н весьма частотен в ауслауте различных грамматических форм.

11) Соотношение монгольского морфологического показателя производных имен -sun с показателями множественности -кта//кца в тунгусо-маньчжурских языках, ср. эвенк. абданна, эвен. эбдэнрэ, нег. абдана, ульч. хабдата, орок. хамдата, нан. хабдата, лист растения. ма. абдаха лист. < *хаб-да(н)та = калм. хамтхасн лист может восстанавливаться как *xab-ta-ga-sun; эвенк. алуқта, эвен., нег. алта, ороқ., уд. алуқта, орок. халуқта, нан. халокта мездра < *халу-к-та. = п.-мо. xalisun, мо. хальс оболочка, кожа, скорлупа, шелуха, кора = xali-sun, возможно, < *xali-k-sun; эвенк. буксэ, эвен. бу:с, нег., ороқ., ульч. буксэ, орок. буксэ, нан. буксэ, ма. бухэ хрящ < *бу-к-сэ. = мо. м□г□□с(□н) хрящ < *мц-ке-ге-sun, но п.-мо. мцgeresün, бур. мэнгэрһэн хрящ < *мц-ке-ге-sun; эвенк. заликта, нег. залта, ороқ. заракта, уд. заликта, ульч., нан. зарикта боярышник < *за-ли-кта = якут. д□лүсү□н боярышник (без сомнения < мо. *dclu=sün, но такой вариант в современных монгольских языках не засвидетельствован), п.-мо. dolugana боярышник = dolu-gana; ма. илмаха увуля, маленький язычок < *илба=кца = п.-мо. ilbegesün, мо. илбээс приманка для рыб = ilbe=ge=sün; эвенк. ин□акта, сол. и□акта, эвен. ин□ат, нег. ин'□акта, ороқ. и□акта, уд. и□акта, ульч. син'акта, орок., нан. си□акта волос, шерсть, пух = п.-мо. kilgasun, мо. хялгас волос = kilga-sun, др.-тюрк. q□l волос и др.

Особенно эффективны примеры, позволяющие иллюстрировать совпадение производных слов во всех трех группах языков, либо в монгольских и тюркских языках: ср. эвенк. буксэ лед < *б□к-сэ (но эвенк. букрэ лед < *б□к-рэ, эвенк. буктэ лед < *б□к-тэ, эвен. б□кэс лед < *б□к-кэ-к-сэ) = п.-мо. мцsün, мо. м□с(□н) лед < *мц-sun, но бур. мүльһэн лед < *мц=ли=sun, мо. м□х□лд□с(□н) сало, шуга < *мц-kü-le-de-sün = др.-тюрк. buz лед < *bu-z = эвенк. бу-к-сэ (чув. пар лед. = бу-р < *bu-kre = эвенк. букрэ ?); другие монголо-тюркские соответствия этого типа - п.-мо. дүрсүн, мо. дүрс(эн) изображение, вид, форма = дүр=sün= др.-тюрк. жү:з лицо, облик < *jü-z < *дүр-sün; сол. дерес'ун рогожка, ма. дарасу, дэрэсу ковыль, из которого плетут рогожки < п.-мо. deresün ковыль, мо. дэрс(эн) чий блестящий < *dere-sün = др.-тюрк. jiz тростник < *ji-z < *dere-sün. Соотношение монгольской и тюркской форм такое же, как в предыдущем примере - с тождеством суффиксов -sun и -z.

Большая часть этих слов сравнивались друг с другом и ранее, причем при различной интерпретации фонетических соответствий, однако суффиксы -кта//кца и =sun считались нетождественными. Однако само количество примеров слов, где эти суффиксы сочетаются с одними и теми же корнями в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках соответственно (в общей сложности несколько десятков) по существу исключает иную интерпретацию примеров, нежели материальное тождество суффиксов и общность происхождения слов, содержащих данные суффиксы.

Инновации в монгольских языках, которые прослеживаются при сравнении монгольских и тунгусо-маньчжурских слов, сводятся к следующим изменениям:

1) Делабиялизация гласных в монгольских языках (и, очевидно, в тюркских языках) при сохранении лабиализованных гласных в тунгусо-маньчжурских языках. Примеры: ср. эвенк. субгу кожа - мо. савхи(н) сафьян,

выделанная кожа; эвен. мурчи- взбираться, лезть наверх - мо. мацах карабкаться, подниматься вверх; эвенк. тугунукэ лодыжка - мо. тагалцаг бабка; эвенк. у:, эвен. □, нан. хуэ скребок для выделки шкур, - мо. хансах соскабливать шерсть с кожи; эвенк. булэ болото - мо. балчиг болото (рассмотрение этого слова как тюркизма не меняет сути); эвенк. уркэ дверь, дверной проем - п.мо. eguke, orke дымовое отверстие; эвенк. сури: сиг - бур. һэлбэрүүһэн сиг, тув. седис сиг; эвенк субгин дым - мо. савсах дымиться, подниматься (о паре), сэвсэх выпускать клубы дыма; эвенк. тувкэ палочка в самостреле - мо. тэвх(эн) палочка, распорка; ср. эвенк. бу мы (без вас), су вы и п.-мо. ба мы, та вы - последние два примера исключительно важны, так как устраняют какие-либо сомнения в правомерности отождествления личных местоимений в алтайских языках.

2) Переход заднеязычных согласных [г]/[к], сохраняющихся в тунгусо-маньчжурских языках в согласные ng > n: ср. эвенк. гагда один из пары - мо. ганц только один, единственный; эвенк. гугда высокий - мо. гонзойх быть продолговатым, сол. не: □ ча, нан. вакса нос - мо. ханшаар переносица; нан. поксо угол - мо. онцог угол; сол. мухша палица - мо. манчуурга дубина тув. муку колотушка; нег. муктуй мышь (возможно, < нивх. мухтук мышь) - мо. м□нд□л детеныш сурка, кирг. мондалай мышонок (вероятно, < мо.), ульч. наксуву- бить, колотить, мо. нанчих; эвенк. уксэ рукав, эвен. □:с - мо. ханцуй рукав; эвенк. токойика:н середина - бур. дунда середина.

Изредка на месте тунгусо-маньчжурских заднеязычных в монгольских словах вместо носовых согласных [ng] и [n] встречаются плавные, например: эвенк. чукчукан- окуривать - бур. сүршэхэ окроплять, окуривать, (ср. тюрк. sic-брызгать); эвенк. ге:кча:н ястреб - мо. харцгай ястреб; эвенк. тукта подполка - бур. дүлды подпорка; эвенк. гэкти- мерзнуть - п.-мо. ko'ldе- мерзнуть; орок. мэззикэ- вышивать петельчатым швом - п.-мо. balcing орнамент; нег. багдихи мышцы бедра - бур. балсан(г) мышцы, мускулы рук, тюрк. baltir икры ног; эвенк. бугдэкэ прыщ - мо. болдируу прыщ.

3) Падение преконсонантного п-, сохраняющегося в тунгусо-маньчжурских языках: ср. эвенк. кавка, эвен.капка гортань - мо. хоолой горло, глотка, гортань, хоолзуур кадык; эвенк. сэпкэ- схватить - калм. шүүх хватать, схватывать; эвенк. хокочо крестец - п.-мо. ugusa крестец - тюрк. uca крестец; эвенк. хэпкэрипчу горький - мо. эхүүн едкий, тюрк. ekşig кислый; ма. чэбкэ плоская сторона бабки - калм. чох ямочка альчика - тюрк. cik вогнутая сторона альчика.

Аналогичный случай представляет собой падение преконсонантного к-, наблюдающееся в суффиксах собирательной множественности: -кта/-кса - мо. sun: ср.эвенк. саримикта ресницы - п.-мо. sormusun, но калм. сурмсг ресницы, эвенк. улгукта тростник - п.-мо. xulusun тростник, камыш; эвенк. ин□акта шерсть, волос -п.-мо. kilgasun волос; эвенк. сэ:ксэ кровь - п.-мо. cisun кровь, тув. дес запекшаяся кровь; эвенк. алуқта мездра - мо. xalisun, см. выше).

Монгольские и тюркские языки.

В традиционной алтаистике система фонетических, прежде всего консонантных соответствий в монгольских и тюркских языках у всех исследователей сравнительно-исторической фонетики алтайских языков (Г.Рамстедт, Н.Поппе, М.Рясянен, С.А.Старостин) строилась на постулате об изоморфизме линейной фонологической структуры слова: интервокальные

согласные соотносились с интервокальными, преконсонантные согласные - с преконсонантными, постконсонантные согласные - с постконсонантными, и поэтому попытки описания набора сочетаний согласных, общих для алтайских языков, практически не давали результата. Нет нужды говорить о том, что достаточно простые (тривиальные) соответствия отдельных согласных и групп согласных, извлеченные из ограниченного количества лексического материала, по существу исчерпывали число возможных сравнений и серьезно затрудняли дальнейшую реконструкцию общеалтайского состояния, которая почти не поддерживалась новыми фактами. Вместе с тем в рамках классической схемы соотношения отдельных групп алтайских языков не находилось и оснований для расширения числа реконструируемых фонологических единиц.

Изучение регулярности фонетических соответствий в ряде известных общеалтайских лексических изоглосс, таких, как мо. *agta morin* - тюрк. *at* “конь, лошадь”, ма. *индахун* - тюрк. *□t* “собака”, реинтерпретация соответствий согласных в таких примерах, как мо. *elzigen* - тюрк. *eşäk* “осел” и обнаружение новых лексических соответствий при проверке корреспонденций указанного типа на регулярность позволили обрисовать соотношение линейной фонологической структуры слова в отдельных группах алтайских языков и наряду с этим проследить изменения линейной структуры слова как в отдельных языках, так и в отдельных группах языков уже на уровне групповой реконструкции. При этом если линейная структура слова в монгольских языках фактически соотносится с алтайской реконструкцией, то линейная структура слова в тюркских языках уже на уровне древнейших памятников тюркских языков и на уровне общетюркской реконструкции оказывается значительно модифицированной в сторону упрощения по сравнению с восстанавливаемым общеалтайским языковым состоянием.

Общая закономерность соотношения монгольских и тюркских языков в указанном аспекте может быть сформулирована так: во всех без исключения сочетаниях согласных, сохраняющихся в монгольских языках без изменения, а также во вторичных сочетаниях согласных (образовавшихся вследствие синкопы гласного) в тюркских языках перавых согласный подвергается утрате независимо от его качества. Описываемые изменения линейной структуры слова в тюркских языках по сравнению с монгольскими языками могут быть представлены в виде следующих формул: 1) для слов с ритмической структурой CVCCV и сочетанием согласных во втором слоге: $*(C)V_1C_1C_2V_2(C) > (C)V_1C_2$ (гласный второго слога в тюркских языках сохраняется только при его этимологической долготе, представленной в тунгусо-маньчжурских языках); 2) Для слов с ритмической структурой CVCVCV и кратким гласным второго слога: $*(C)V_1C_1V_2C_2V_3(C) > (C)V_1C_2$. При этом в исходной или вторичной (по причине синкопы гласного) преконсонантной позиции в общетюркском праязыке утрачивался любой согласный независимо от его качества: все сочетания согласных в тюркских языках являются вторичными по сравнению с общеалтайскими сочетаниями согласных. Оба типа изменений могут быть представлены на монголо-тюркских соответствиях в словах-квазиомонимах: ср. п.-мо. *dürsün*, мо. *дүрс(эн)* изображение, вид, форма = $*dür-sün$ = др.-тюрк. *jü:z* лицо, облик $<*jü-z <*dür-sün$ (первый тип); и п.-мо. *deresün* ковыль, мо. *дэрс(эн)* чий блестящий $<*dere-sün$ = др.-тюрк. *jiz* тростник $<*ji-z <*dere-sün$ (второй тип).

Упрощение структуры слова за счет модификации согласных в преконсонантной позиции, приводящее сначала к уменьшению числа согласных,

способных встречаться в этой позиции, а затем и утраты первого компонента сочетаний согласных, является общей тенденцией эволюции отдельных тунгусо-маньчжурских и монгольских языков. Из тунгусо-маньчжурских языков сходные явления наблюдаются в негидальском, ороческом, нанайском языках. Из монгольских языков изменение инлаутных групп согласных является характерным признаком дагурского языка с его специфическим ротацизмом - таким образом дагурский ротацизм получает фонологическое или морфонологическое объяснение, которое заведомо будет более правдоподобным, нежели собственно фонетическое объяснение в терминах каких-либо антропофонических тенденций. Такие же изменения внутри слова наблюдаются и в языках Внутренней Монголии. Изменение ритмической структуры слова с выпадением срединных гласных и отпадением конечных гласных прослеживается в современном монгольском языке в отношении к письменному монгольскому, а также в эвенском языке по отношению к эвенкийскому. Чрезвычайно показательно, что именно этот тип изменений линейной структуры слова демонстрирует эвенский язык, из тунгусо-маньчжурских языков в наибольшей степени испытавший тюркское (прежде всего якутское, но возможно, и доякутское) влияние. Более того, та же тенденция упрощения групп согласных наблюдается и в отдельных тюркских языках - таких, как якутский язык в сравнении, например, с огузскими языками или даже другими языками Южной Сибири.

Изменение ауслатных фонетических структур, приводящее к тому, что в общетюркском праязыке могли утрачиваться конечные комплексы VC, вероятно, обусловлено не фонологическими, а морфологическими причинами. В частности, это то явление может быть обусловлено развитием системы отыменных существительных и появлению морфологических вариантов слов с тождественным значением - например, с□р, с□b□q прут, ег, еrkāk муж, мужчина, jal, jal□g грива, гребень, jul, julaq ручей, поток, kes, kesāk кусок, и мн. др. В таких случаях морфологического варьирования слова ауслатные элементы неизбежно подвергаются дефонологизации.

Наблюдаемые монголо-тюркские соответствия иллюстрируются следующими примерами: мо. olbu, бур. олбо белка-летяга - тув. авырган белка-летяга (мо. ob белка-летяга - вероятно, тюркизм, хотя такого слова нет в современных тюркских языках); мо. aldar слава, имя - тюрк. at имя, слава (слова различаются иерархией значений), ср. также т.-ма. алду звук, известие; мо. aldu-упустить, уронить - тюрк. at- стрелять, бросать ("уронить" и "бросать" - разница только в типе каузации); мо. kelberі форма, вид - тюрк. кер форма, вид; мо. guldurі- течь, струиться - тюрк. qud-, quj- лить: мо. asxa- лить, т.-ма. парго-шуметь (о дожде) - тюрк. aq- течь; мо. baіca утес, эвенк. байту скала - алт. межелик, тув. мажалык сопка: п.-мо. ganzugan торока, эвенк. ганзука торока - тюрк. qasıq мех, бурдюк, турсук; мо. sinzi- внимательно смотреть, изучать - тюрк. sez- чувствовать, ощущать; мо. elzigen осел - тюрк. eřāk осел, мо. zulzagan поросенок, солонск. зилчха(н) поросенок - тюрк. сосıq поросенок; мо. zilberke-привязаться - тюрк. sev- любить; мо. colcung опухоль, эвенк. чилчун опухоль, п.мо. colcung - тюрк. řř опухоль; маньчж. алчухан лодыжка, мо. alcu вогнутая сторона кости голени - тюрк. ařıq лодыжка (ср. при этом дублиеты маньчж. ганчухан лодыжка - алтайск. кажык лодыжка); мо. bulzaga- разваривать - тюрк. b□ř- развариваться, мо. belcir, bulcarhai железа - тюрк. bez железа; мо. nabci лист - тюрк. jař зелень; мо. balcing орнамент - тюрк. bezāk украшение; мо. barkira-

эвенк. баркира- реветь - тюрк. baqir- реветь; мо. zidku- тянуть - тюрк. сек-тянуть; мо. togosun грязь, пыль, эвенк. та:кса глина - тюрк. toz, tuz пыль; мо. songgina, маньчж. сонгина лук дикий - тюрк. sogun лук; калм. хэрм лодка - тюрк. keme, kemi лодка, судно; п.-мо. büselegür, дагур. бэслэр поясница - тюрк. bel поясница (стоит обратить внимание, что в роли прототюркской праформы выступает даже не письменно-монгольская, а дагурская форма!), мо. elxeg сито, решето - тюрк. ек- сеять, сыпать, и elgä- сеять, просеивать (последняя форма, видимо, заимствована из монгольских языков).

Аналогичные соотношения наблюдаются между тунгусо-маньчжурскими и тюркскими формами: эвенк. хи:нда- толкать - тюрк. it- толкать; эвенк. гилдэ-развернуть, мо. guldaï- лежать в растяжку - тат. киерү растягивать; ма. окто лекаство, порошок - тюрк. ot лекарство; т.ма. култир занавеска - др.-тюрк. кц̄šig занавеска; т.ма. чимчуктэ шишка, почка растения - др.-тюрк. сесäk цветок (мо. цэцэг цветок - тюркизм); эвенк. чимчэн мизинец - др.-тюрк. с□calaq мизинец; т.-ма. чо□ки- клевать, долбить - тат. чоку долбить, чуку клевать; ма. сончохо коса, прическа - тюрк. sac волосы; эвенк. хэпкэрипчу горький - тюрк. ekšig кислый; эвенк. илча- плести - тат. ишү вить, свивать (ср. др.- тюрк. išin коса, □š□g веревка); эвен. омчик топь, трясина, болото - чуваш. ушах трясина; удэг. гокчи сова - алт. куманд. кучак филин; нан. гормахон, маньчж. гулмахун заяц - якут. куобах заяц; эвенк. ирги- вскормить, воспитать - тюрк. igit- кормить, содержать, воспитывать; орок. колпикта веко - тюрк. qaraq веко (связь этого слова с тюркской глагольной основой qar- “покрывать” иллюзорна: ср. туркм. гапак крышка и га:бак веко); маньчж. хукса птица ловчая - тюрк. quš птица, сокол для охоты; ма. акша- протухнуть, прогоркнуть - тюрк. ас□g горький; эвенк. мэччиргэ сова (< якут.), бурят. бэгсэргэ сыч - тув. межерген сова; маньчж. чэбкэ плоская сторона бабки - тюрк. сик вогнутая сторона альчика; ма. самси- рассыпаться тюрк. sac- сыпать, рассыпать; эвенк. амсир горноста́й (видимо < чукотск. эмчачокалгын горноста́й) - тюрк. as горноста́й; эвенк. алмат плацента, мо. хагбусун плацента - тюрк. qar плацента (исходя из монгольских и тунгусо-маньчжурских форм в тюркских языках можно было ожидать форму **qaruz: хотя такой формы нет, ср. казах. (Радлов) алапыс плацента, отражающее переходное состояние), и мн. др.

Наблюдаемые закономерности побуждают пересмотреть такие известные в алтаистике соответствия как “ротацизм” и “ламбдаизм”. Если тюркские согласные z и š соотносятся с сочетаниями согласных “плавный + среднеязычный” в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, то становится уместным предположение, что тюркские согласные [z] и [š] восходят не к плавным ([r₂] и [l₂] в традиционной алтаистике), а к среднеязычным; выпадение предшествующих плавных в таких сочетаниях - частный случай более общего явления падения преконсонантных согласных, а соответствия [л] ~ [ш] и [р] ~ [з] на поверку оказываются мнимыми (согласные [r] и [z], [l] и [š], которые ранее рассматривались как корреспондирующие и происходящие один из другого, занимают в словоформе разные линейные позиции и иногда исторически принадлежат к разным морфемам!). По предварительным данным, некоторые исключения из ротацизма и ламбдаизма в чувашском языке приходятся на те слова, которые не имели плавных перед среднеязычными, а часть случаев ротацизма-ламбдаизма составляют производные слова с явно разными суффиксами (ср. выше тюрк. buz и чувашск. пар лед с разными эвенкийскими

параллелями к ним). Классическими морфологическими вариантами являются и тюрк. *beş* и чуваш. *пилек* '5': ни в одном из тюркских языков нет формы ****beşük*, а точное соответствие для тюркского *beş* в чувашском языке должно было иметь вид *пил, а не *пилек*.

Соответствия на уровне линейной структуры слова, наиболее наглядно наблюдающиеся между монгольскими и тюркскими языками, во-первых, позволяют намного увеличить число лексических соответствий между этими языками. Во-вторых, они позволяют впервые в алтаистике ставить вопрос о морфологической обусловленности фонетических изменений - таких, как изменение групп согласных вследствие опрощения морфологической структуры слова и сращения корня с показателями множественности. В-третьих, сделанные наблюдения избавляют от необходимости поисков объяснений тюркского ротацизма-ламбдаизма на уровне донаучной антропофонии. При этом те соответствия одиночных согласных в интервокальном положении, которые описаны в известных трудах по алтаистике, по существу в пересмотре не нуждаются - возможно, будут лишь изменены сопоставления отдельных лексических единиц. Известные соответствия мо. *lb* ~ тюрк. *ş* типа п.-мо. *xal бага* ~ тюрк. *qaş*□*q* ложка, вероятно, отражают рефлексы групп согласных *-*şp*- (и, возможно, также *-*şx*-): в монгольских языках изменяется преконсонантный элемент сочетания согласных, в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках утрачивается постконсонантный элемент.

Наблюдаемое соотношение монгольских и тюркских языков позволяет понять причины столь длительного отсутствия прогресса в изучении сравнительной фонетики алтайских языков. Реконструкция особых "тюрко-монгольских" праформ оказалась по существу бесперспективной, так как монгольские формы, причем именно те формы, которые более близки к формам живых монгольских языков нежели к среднемонгольскому или письменному монгольскому языкам, почти во всех случаях соответствуют прототюркским формам - таким формам, из которых на основании установленных соответствий выводятся пратюркские (общетюркские) формы, извлекаемые из старейших тюркских письменных памятников или восстанавливаемые по материалам живых тюркских языков. Материал тунгусо-маньчжурских языков также по большинству признаков демонстрирует такое языковое состояние, которое в сравнении с общемонгольским состоянием выглядит в значительной степени измененным, и ориентация на этот материал при общеалтайской реконструкции (разумеется, за исключением начальных согласных, отдельных сочетаний согласных и системы гласных) не дала бы результата.

В свете всего сказанного выше качестве одной из актуальных задач сравнительно-исторической тюркологии обозначается очевидная необходимость пересмотреть представления об исходной фонологической и морфологической структуре тюркских корневых слов, а также необходимость отказаться от трактовки омонимичных тюркских корней как следствия их семантического развития на собственно тюркской почве; чаще всего тюркские корни-омонимы являются результатом конвергенции изначально разных лексических единиц.

Из числа наиболее значительных проблем сравнительно-исторической монголистики, играющих важную роль для сравнительного изучения алтайских языков, надо назвать следующие направления исследований: 1) изучение лексического фонда монгольских языков с первостепенным вниманием к тем лексическим различиям, которые не являются следствием заимствований из

других языков; 2) инвентаризация “редких слов”, известных в одном-двух языках или диалектах, среди которых обнаруживается немало общеалтайских архаизмов; 3) изучение морфологических вариантов слов внутри монгольских языков (слов, оформленных различными словообразовательными суффиксами); 4) описание и изучение истории словоизменительных категорий монгольских языков, появившихся позже общемонгольского состояния (таких, как спряжение глагола); 5) систематизация отделенных от восстанавливаемой общеалтайской лексики разнообразных лексических заимствований, среди которых вывlyются факты, характеризующие переходные языковые состояния - здесь особый интерес представляет “прототюркский” пласт, соотносимый с изложенной реконструкцией, но не вписывающийся в традиционное понимание общетюркского праязыка; 6) описание истории таких слов, которые сохраняются в современных языках только как заимствования из соседних групп языков, но утрачены в языке-источнике. Как представляется, изучение древнейшей истории монгольских языков, как, впрочем, и языков других групп алтайской семьи, невозможно без “классической” сравнительно-исторической алтаистики, основывающейся на генетическом родстве алтайских языков.

Примечание

Поскольку предмет настоящей статьи в основном составляют принципиально новые фонетические соответствия между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, и между монгольскими и тюркскими языками, не отраженные в имеющейся литературе по алтаистике, автор предпочел отказаться от обзора существующей литературы и ссылок на известные труды сторонников родства алтайских языков. Полемика с антиалтаистами в настоящее время лишена какого-либо смысла, а детальный исторический обзор литературы и выражение частных несогласий в трактовке некоторых фонетических соответствий со своими научными единомышленниками могло бы стать предметом более объемной публикации.